

DOI: [10.14515/monitoring.2022.1.2175](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.2175)

С. А. Ромашко

**ГЛЯДЯ В ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА: ОПЫТ АВТОРЕЦЕНЗИИ.
РЕЦ. НА КН.: ЛОК Э., СТРОНГ Т. КАК УСТРОЕНА МАТРИЦА?
СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ
И ПРАКТИКА / ПЕР. С АНГЛ. Д. В. ОНЕГОВ, А. В. ЗИНДЕР,
К. М. ЗИНДЕР, А. МИРЗОЯНЦ; РЕД. ПЕРЕВОДА С. А. РОМАШКО.
М.: ВЦИОМ, 2021**

Правильная ссылка на статью:

Ромашко С. А. Глядя в зеркало заднего вида: опыт авторецензии. Рец. на кн.: Лок Э., Стронг Т. Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика / пер. с англ. Д. В. Онегов, А. В. Зиндер, К. М. Зиндер, А. Мирзоянц; ред. перевода С. А. Ромашко. М.: ВЦИОМ, 2021 // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 395—404. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.2175>.

For citation:

Romashko S. A. (2022) Looking in the Rearview Mirror: An Autoreview Experience. Review of the Book "Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice" by Andy Lock and Tom Strong. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 395–404. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.2175>. (In Russ.)

ГЛЯДЯ В ЗЕРКАЛО ЗАДНЕГО ВИДА: ОПЫТ АВТОРЕЦЕНЗИИ. РЕЦ. НА КН.: ЛОК Э., СТРОНГ Т. КАК УСТРОЕНА МАТРИЦА? СОЦИАЛЬНОЕ КОНСТРУИРОВАНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА / ПЕР. С АНГЛ. Д. В. ОНЕГОВ, А. В. ЗИНДЕР, К. М. ЗИНДЕР, А. МИРЗОЯНЦ; РЕД. ПЕРЕВОДА С. А. РОМАШКО. М.: ВЦИОМ, 2021.

РОМАШКО Сергей Александрович — кандидат филологических наук, член Гильдии «Мастера художественного перевода», Независимый исследователь, Москва, Россия
E-MAIL: romashko@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Аннотация. Книга Э. Лока и Т. Стронга «Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика» может быть прочитана и осмыслена по-разному: либо как книга о конструкционистских идеях в социологии и социальной психологии, либо — и это по-своему не менее важный взгляд — как свидетельство процессов, происходящих в современной науке, в данном случае науке о человеке и общественном устройстве, в наше время — время возрастания роли коммуникации и информационных процессов. Представленная рецензия подготовлена С. А. Ромашко, научным редактором перевода книги на русский язык.

Ключевые слова: наука и общество, коммуникация, информационная среда, теория и практика, социальный конструкционизм

LOOKING IN THE REARVIEW MIRROR: AN AUTOREVIEW EXPERIENCE. REVIEW OF THE BOOK "SOCIAL CONSTRUCTIONISM: SOURCES AND STIRRINGS IN THEORY AND PRACTICE" BY ANDY LOCK AND TOM STRONG

Sergei A. ROMASHKO¹ — Cand. Sci. (Philol.), member of the guild «Masters of Literary Translation»
E-MAIL: romashko@hotmail.com
<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

¹ Independent Researcher, Moscow, Russia

Abstract. The book by Andy Lock and Tom Strong “Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice” published in Russian under the title *How Does the Matrix Work? Social Construction of Reality: Theory and Practice*” can be read and understood in different ways: either as a book about constructionist ideas in sociology and social psychology, or (and this is no less important in its own way) as evidence of the processes taking place in modern science. In this case, we are talking about the development of the science regarding human interactions and social structure in our era of the increasing role of communication and information processes. The review was prepared by Sergei Romashko, scientific editor of the Russian translation of the book.

Keywords: science and society , communications, theory and practice, social constructionism

Пока человек работает над текстом (в любой роли: как автор, переводчик, редактор), он погружен в него; именно на тексте в первую очередь сосредоточены его усилия, хотя ему, конечно, приходится то и дело выходить за его пределы — в контексты разного рода. Но вот работа завершена, текст начинает жить своей жизнью, и тот, кто участвовал в его создании, может взглянуть на материал со стороны. А это уже иной взгляд. Когда речь заходит о какой-либо книге, чаще всего спрашивают: о чем эта книга? Вопрос понятный и вполне закономерный. Предисловия, аннотации и другие сообщения в основном и существуют для того, чтобы дать ответ на этот вопрос. Но книга может поведать больше, чем значится в ее аннотации. Всякий текст говорит нечто и о том, кто его создавал, и о ситуации, в которой он возник, и о тех, для кого текст изначально предполагался. А если взглянуть так, то получится, что книга Энди Лока и Тома Стронга немало может сообщить нам о том, что происходит в современной науке.

Наука людей

Если речь заходит о науке, то под ней обычно понимаются знания (в том числе с некоторыми уточнениями: комплекс знаний, система знаний, специальные знания и т. п.). Разумеется, если знаний не обнаруживается, то и говорить о науке невозможно¹. Однако принципиален в таком случае вопрос: откуда берутся знания? Они ведь не возникают сами собой. Поэтому первичны в науке люди, которые эти знания производят, а значит наука — это прежде всего человеческая деятельность, вернее — один из видов продуктивной деятельности человека, той ее части, результатом которой является информация². Без людей, осуществляющих такую деятельность, наука не существует; именно они формируют те представления о реальности, которые образуют фундамент нашего наиболее объективного отношения с миром и позволяют развивать эти отношения через технику разного рода³. Собственно, об этом в том числе и написана книга «Как устроена матрица? Социальное конструирование реальности: теория и практика». В конечном счете она утверждает, что все связанное с происходящим «у человека в голове» порождено этим самым человеком. Зеркально и сама книга может рассматриваться с такой точки зрения.

Ученый в «большом мире»

Мы живем в реальности, в которой многое стало большим: политика, экономика («большой бизнес»), медицина («большая фарма»), технические структуры («большая цифра»), досуг («большой спорт»). Это и не удивительно в мире, где миллиарды людей в разных местах планеты связаны многообразными связями, о которых

¹ Изучение структуры научных знаний и их динамики-задача, безусловно, чрезвычайно важная; в этой области науковедение накопило большой положительный опыт, достаточно напомнить уже классические работы Т.С. Куна, И. Лакатоса, П.П. Гайденко [Кун, 1977; Лакатос, 2008; Гайденко, 1987].

² Информация здесь понимается в своем первичном виде как достаточно абстрактная сущность; обоснование такого подхода дал в свое время К. Шеннон, заложивший основы теории информации [Shannon, 1948].

³ Техника также может быть информационной (хотя при появлении этого слова в сознании обычно тут же возникают ассоциации с какими-либо механическими или электрическими устройствами); это тем более важно учитывать при чтении книги Лока и Стронга: в ней то и дело обсуждаются детали той техники, которую используют в своей работе практикующие психологи, психотерапевты и другие представители «помогающих профессий».

они чаще всего не задумываются, а если и задумываются, то далеко не всегда могут распутать. Не миновала эта участь и науку, и поэтому в двадцатом веке появилась «большая наука» (big science), заслужившая это звание не столько потому, что объединяет большое количество профессионалов, сколько потому, что располагает огромными массивами знаний, а следовательно, немалыми возможностями. В первую очередь «большая наука» ассоциируется конечно же с науками естественными, опирающимися на мощную экспериментальную базу: физикой, химией, биологией (сразу же в памяти всплывают: физика экспериментальных частиц, термоядерный синтез, генетика). В этих дисциплинах исследовательские коллективы нередко объединяют сотни и тысячи человек. Социальные и тем более гуманитарные дисциплины выглядят в этом отношении гораздо скромнее, однако и они оперируют сегодня такими объемами знания, справиться с которыми в одиночку чаще всего не представляется возможным.

На помощь «большой науке» приходит коммуникация. Задача ученого — не только сформировать знание («добыть» его), но и сохранить, а также распространить среди коллег (оставим в стороне проблему секретности, поскольку это особый предмет). Научная коммуникация существовала всегда, более того, она всегда имела два измерения: с одной стороны, это была коммуникация между современниками, ведущими работы параллельно (можно сказать — горизонтальная), а с другой — коммуникация с научным прошлым (то, что именуется «научным наследием», можно сказать — коммуникация по вертикали). Книга Лока и Стронга — это очевидная попытка войти в коммуникацию на пересечении этих осей. В общем, это часть научной традиции: предполагается, что исследователю стоит «посоветоваться» с предшественниками, прежде чем он встанет в ряд с современниками. Но большой мир, в котором обитают ученые сегодня, задает и новые параметры коммуникации.

Книга вышла в издательстве Кембриджского университета, солидном учреждении с долгой историей. При взгляде на логотип сразу может возникнуть мысль, что и авторы имеют отношение к Кембриджу. Так и было бы скорее всего лет сто — сто пятьдесят назад. А сегодня иначе: ни тот, ни другой в Кембридже не учились и не работали. А если перевернуть страницу и посмотреть на оборот титульного листа, то можно обнаружить, что среди своих «опорных пунктов» издательство числит не только Кембридж, но и города, которые еще относительно недавно представить себе в роли международных научных и издательских центров было бы трудно: Мельбурн, Сингапур, Кейптаун, Дели, Сан-Паулу. У его оксфордского собрата список еще обширнее, да и многие другие солидные научные издательства раскинули свои сети по всему миру. Тенденция к универсальности, в том числе географической, была присуща науке с давних пор, но в последние десятилетия интернационализация науки получила системный характер.

Диалог и сотрудничество в наше время все меньше связаны с формальными, стабильными параметрами. Чтобы вести совместную работу, ученым не обязательно числиться в одном учреждении. Возникают временные научные коллективы, а часто группа исследователей и вовсе существует виртуально. Словно специально иллюстрируя эту тенденцию, Лок и Стронг познакомились в интернете и уже в этом виртуальном пространстве, обнаружив сходство своих позиций, пришли к мысли

о написании книги об интеллектуальных корнях конструктивизма и его ценности для прикладных социальных наук.

Задачу перед собой авторы поставили такую, что справиться с ней в одиночку было бы нелегко, а главное — это растянулось бы на чрезвычайно долгое время, тогда как решать ее, так они себе это представляли, следует безотлагательно. Даже в ходе совместной работы им пришлось ограничить исходный материал, на что уже указано в предисловии к русскому изданию, да и рецензенты перевода наверняка выскажут сожаление, что в книгу не вошла глава о том или ином ученом (особенно «пострадали» социологи и психологи немецкоязычного и франкоязычного мира). Сожаления понятные: целый ряд фигур, важных для становления конструктивистского мышления, либо только упоминается в книге, либо отсутствует совсем (скажем, Х. фон Фёрстер или У. Матурана). Но это была бы уже другая задача.

В последние десятилетия крупные международные издательства освоили публикацию энциклопедических изданий по самого разного рода предметам. По-английски они обычно именуется либо *handbook*, либо *compendium*. Есть компендии по Шекспиру и Чехову, древней математике и современной космологии, виртуальной реальности, языкам Африки, буддизму... Эта тенденция — если оставить в стороне понятные коммерческие интересы издательств — отвечает определенным потребностям нашего времени. Информационный поток таков, что даже человек, занимающийся какой-либо проблемой вполне профессионально, не всегда уверен, что по-настоящему в курсе происходящего в соседних областях, а знания, в них полученные, могут быть полезны. Сюда надо добавить пишущих работы студентов и аспирантов, да и просто людей, интересующихся тем или иным вопросом для расширения своего кругозора. Создаются эти суммарные работы коллективами чаще всего интернациональными, причем без прямых контактов, тем более что современные средства связи позволяют даже рабочие совещания и дискуссии проводить без перемещения в пространстве.

Лок и Стронг прекрасно знают о публикациях такого рода. Более того, Лок в свое время совместно с американским антропологом Ч. Питерсом издал компендий по эволюции человека как существа, создающего и использующего знаки, в написании которого участвовала немалая и профессионально разнообразная команда специалистов [Lock, Peters, 1999]. Однако в данном случае они не ставили перед собой задачу максимального охвата данных или демонстрации эрудиции. Речь шла скорее о своего рода пропаганде, достаточно концентрированном (насколько это возможно в такой ситуации) продвижении идей, которые многим могут показаться неочевидными, даже странными и оторванными от жизни. Отсюда и избранный формат.

Nihil novum, или о пользе возвращения

В мире больших чисел и массивов данных без коммуникации не обойтись. В то же время стремление собрать максимум сведений обращается в условиях после информационного взрыва против себя. Поисковые системы интернета были задуманы как средство быстрого получения необходимых сведений. Но если ввести в строку поиска сколько-нибудь значимое понятие или достаточно известное имя, результатом будет предложение нескольких миллионов документов, большин-

ство из которых скорее всего бесполезны. «Зашумленность» информационного поля чрезвычайно высока, и хотя работа над инструментами, позволяющими с этой бедой справиться, идет постоянно, говорить о существенном улучшении ситуации трудно.

Однако ученый должен не только собирать сведения, систематизировать и хранить их (таковы были его задачи в условиях традиционной науки), но и производить новые: это требование науки начиная с того времени, когда был запущен процесс модернизации. Чтобы подтверждать свой статус, он должен сообщать о своих результатах через один из имеющихся каналов связи. Так ученые становятся участниками процесса уплотнения информационной среды, что в свою очередь, поскольку среда эта не нейтральна, требует от них определенной адаптации: приходится пересматривать утвердившиеся прежде подходы к различным коммуникативным действиям.

Показательно в этом отношении изменение методики анализа текста, произошедшее на переходе от двадцатого века к двадцать первому. В прошлом веке разные течения гуманитарной мысли (формализм, структурализм, герменевтика) развивали методику погружения в текст, предполагающую учет максимального количества деталей его построения. Характерна в этом отношении возникшая в первой половине века в литературоведении США идея *close reading* (обычно переводится как «пристальное чтение», буквально — «чтение с близкого расстояния», можно сказать «чтение под микроскопом»; см. [Searle, 2005]). Предметом анализа в рамках этого направления, как правило, становились либо небольшие тексты, либо фрагменты текстов. В противовес «пристальному чтению» на рубеже веков формируется методика, получившая наименование *distant reading* («чтение на расстоянии», можно сказать «телескопическое чтение»). В этом случае текст рассматривается не столько изнутри, сколько в его различных контекстах и отношениях с составляющими коммуникативных процессов, он охватывается общим, обзорным взглядом (отсюда популярность понятий контекстуальности и интертекстуальности). Это закономерно открывает возможность компьютеризации текстуального анализа в рамках изучения информационных потоков и массивов (см. [Underwood, 2017]). «Микроскопический» и «телескопический» взгляды не стоит считать абсолютной альтернативой, поскольку они дополняют друг друга; важно при этом, что сегодня для оценки отдельного текста без «телескопа» не обойтись, поскольку ни один из них не существует сам по себе (сразу напрашивается имя Бахтина, которому в книге уделено немало внимания).

Нахождение в интенсивном потоке информации вызывает потребность не только — а в некоторых случаях и не столько — в усвоении сообщаемого, но прежде всего в способах и инструментах ориентации, позволяющих вычленить релевантную и перспективную часть информационного потока. При этом возникает определенный парадокс: современная научная ситуация требует новизны, тогда как инструменты ориентации сами по себе новизной не отличаются, так как представляют собой вторичную коммуникацию (или метакоммуникацию). Это разного рода аннотации, рецензии, критические реплики, обзоры, антологии. Речь идет о том, чтобы структурировать информационную среду, создать своего рода карту и средства движения по этому пространству. Книгу Лока и Стронга легко

обвинить в малой оригинальности: она во многом содержит изложение, передает уже опубликованное ранее. В конце концов, кто не слышал о Хайдеггере или Бахтине? Не новость. Разве что такие фигуры, как Джамбаттиста Вико или Якоб фон Иксюль могут оказаться для читателей открытием. Но помимо общей ориентирующей задачи книгу отличает еще одна особенность.

Структурирование информационного потока предполагает не только предметные характеристики (о чем?), но и характеристики прагматические (для кого? для чего?). Книга обращена не к философам, не к теоретикам социальных наук, она обращена прежде всего к практикам социальной, социально-психологической работы, к тем, кто постоянно «имеет дело с людьми», а также к тем, кто эту деятельность предполагает освоить. К тем, кто обладает или стремится обладать определенными прикладными знаниями и методами. Методика — вещь безусловно необходимая, она дает возможность выдерживать последовательность действий. Но это своего рода коридор: не дает заблудиться, но и не дает возможности узнать, что происходит за стеной, по соседству. К тому же коридор когда-то заканчивается — или, если он кольцевой, обрекает на блуждание по кругу. Ответом на сложность социальной реальности становится развитие междисциплинарных и трансдисциплинарных исследований, позволяющих выйти за пределы коридора и привлечь возможности других методов.

Лок и Стронг совсем не случайно задались этой целью: они хорошо знакомы с прикладными работами, с практикующими психологами, психотерапевтами, социальными работниками. Именно поэтому они ощутили необходимость обратить внимание практиков на вещи не очевидные, но позволяющие более основательно подходить к решению практических задач, искать и находить новые возможности исследования и решения личностных, социальных проблем.

Диалог поколений

Авторы книги о конструктивистских поисках — люди уже немолодые, обладающие разнообразным опытом. Оба относятся к тому поколению, для формирования которого важной была атмосфера шестидесятых годов прошлого века. Время открытий и достижений, время сомнений и надежд, переосмысления истории и веры в будущее, борьбы за мир и студенческих революций. Это сказалось на выборе персон, представленных в книге основными. Витгенштейн, Бахтин, Гуссерль, Выготский, Хабермас — непререкаемые герои не только научных, но и общественных дискуссий 1960-х — начала 1970-х годов. Так же как и дебаты о кибернетике, как зарождение экологического движения (открытие исследователей вроде Иксюля как не только биологов, но и как персон, важных для понимания места человека на планете).

Есть у героев книги еще одна интересная особенность, также отсылающая нас к тем годам. Большинство из них никак не могут быть по обстоятельствам своей жизни отнесены к «типичной профессуре». Множественность интересов, нестандартные повороты в жизни и профессиональных занятиях, интерес к предметам и идеям, которые на тот момент вообще не считались заслуживающими внимания. Бахтин, судя по всему, формально даже не заканчивал какой-либо университет (хотя потом все же получил, благодаря счастливому стечению обстоятельств, степень кандидата филологических наук). Витгенштейн не прошел традиционного

пути к званию профессионального философа, к тому же время от времени переживал кризисы и прекращал занятия философией. Очень уместны поэтому в книге краткие биографические введения к тем авторам, чьи концепции в ней рассматриваются. Это не только дань традиции, но и хорошее дополнение к пониманию своеобразия их личности, жизненной и научной позиции.

Таким образом, Лок и Стронг своей книгой выполняют одну важную функцию — функцию диалога поколений, одной из важнейших задач культуры. О «вертикальной» коммуникации (коммуникации во времени) уже говорилось: одна из особенностей культуры позволяет нам общаться с прошлым и оставлять послания будущему. В связи с этим говорят о преемственности, хотя важно учитывать: преемственность и традиция — не просто повторение прошлого. В истории вообще ничего «повторить» нельзя, каждое мгновение жизни уникально. Возможно и важно помнить о том, что было в прошлом. Представляя своих диссидентствующих героев, авторы напоминают новым поколениям: сомнение — это важнейший источник познания. Критичность, трезвый самоанализ — это залог развития. Так что давайте вместе с авторами книги и с теми замечательными людьми, о которых книга нам напоминает, проверим, так ли уж прав был, например, Декарт, в своем *Cogito ergo sum*, и что это может дать не только философам, но и людям других профессий.

О трудностях перевода

Проблемы в процессе перевода достаточно сложных текстов неизбежны, в этом ничего удивительного нет, хотя бы потому, что по своей структуре языки не одинаковы. Важнее и интереснее то, что на различия языковых структур накладываются историко-культурные расстояния, различия в смыслах и способах развертывания речи. В истории России случались периоды самоизоляции, после которых приходилось наверстывать пропущенное в общении с соседями. Понятно, что в условиях цейтнота решения, как и в шахматах, порой принимаются не лучшие. Хорошо, когда за дело берутся люди талантливые и знающие. В противном случае случаются ляпы вроде «вещь в себе», избавиться от которых потом бывает трудно, а иногда оказывается уже невозможным. Последний такой период самоизоляции — советское время, когда целые пласты западной культуры отсекались от российской публики. С конца 1980-х годов, после снятия ограничений, начался активный перевод научной литературы в области гуманитарного и социального знания. Проходил он в спешке, фрагментарно и несогласованно, так что и переводы не всегда были удачны, и разноречивой возникал не только в случае передачи одного и того же термина в работах разных авторов — даже в разных текстах одного и того же автора один и тот же термин мог переводиться по-разному. Консолидация и исправление ошибок задним числом — задача трудная и даже невыполнимая в короткое время.

При подготовке русского издания книги Лока и Стронга ситуация осложнялась тем обстоятельством, что в ней фигурирует множество ученых со своеобразной терминологией и манерой выражения. При этом авторы пользуются, естественно, английскими текстами как в случае англоязычных ученых, так и в случае ученых, писавших на иных языках. При подготовке русского текста приходилось всю эту разноголосицу соотносить с тем, как упомянутые тексты переведены на русский (а многие уже переведены). К этому добавляется и то, что в книге используют-

ся английские переводы русских ученых — Бахтина, Волошинова, Выготского. Не возьмусь утверждать, что всегда удавалось найти самое удачное решение, но настоящий ответ даст только время.

В качестве примера одного из культурно обусловленных камней преткновения можно привести английское существительное *self* (ср. нем. аналог *Selbst*). По-русски есть «сам», но это не существительное. Существует рожденное когда-то искусственно и вымученное слово «самость», ничего не говорящее ни русскому уму, ни русскому сердцу. Между тем это слово и понятие — важный элемент современной западной культуры, основа самосознания личности, понимания своего места в мире, своих прав, своих отношений с другими и с обществом в целом. И слово это в книге встречается достаточно часто: в ней ведь идет о личностных проблемах современного человека. Приходилось передавать его по-разному, с учетом контекста и смысловых связей. Однако целостность оказывается в таком случае нарушенной. Такие вот нестыковки языков — важный симптом, на который следует обращать внимание социологам, историкам культуры (лингвистам и переводчикам — это уже само собой разумеется).

Прощание с «безумным профессором»

Возрастающая роль научного знания не могла не найти различных отражений в науке и искусстве. Одним из таких отражений стал «безумный профессор», вечно взъерошенный, с горящими глазами за стеклами очков, за столом, заваленном толстенными книгами, или в лаборатории, захламленной множеством химических сосудов или диковинных аппаратов со спутанными проводами. Фигура эта представляла то курьезной, то зловещей. Но в последнее время она стала уходить с книжных страниц и с различных экранов. Наука при всем своеобразии своего устройства и неожиданности многих открытий все больше становится привычной частью человеческой жизни, а ученый — одним из соседей, таким же в сущности работником и гражданином, как и другие. Можно пожалеть об этой своеобразной «утрате ореола», но таков ход истории.

Лок и Стронг сами могут служить примером такой трансформации. Оба не только теоретики и историки науки, но и практики: они то уходили на время из академической сферы, то вели практическую работу параллельно с академической. И книгу они писали, опираясь как на теоретические знания, так и на практический опыт. Писали для того, чтобы помочь и практикам, и теоретикам: практикам — осознать пользу теории, теоретикам — увидеть практические запросы и перспективы. Одним словом, книга может считаться высказыванием в поддержку известного принципа, согласно которому нет ничего практичнее хорошей теории. Хочется надеяться, что так ее и примет читатели.

Список литературы (References)

Гайденко П. П. Эволюция понятия науки (XVII—XVIII вв.). Формирование научных программ нового времени. М.: Наука, 1987.

Gaidenko P. P. (1987) *The Evolution of the Concept of Science (XVII—XVIII centuries). Formation of Scientific Programs of the New Time.* Moscow: Nauka. (In Russ.)

Кун Т. Структура научных революций. 2-е изд. М.: Прогресс, 1977.

Kun T. (1977) *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd ed. Moscow: Progress. (In Russ.)

Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М.: Академический проект, 2008.

Lakatos I. (2008) *Selected Works on the Philosophy and Methodology of Science*. Moscow: Academic project. (In Russ.)

Searle L. (2005) New Criticism. In: Groden M., Kreiswirth M., Szeman I. (eds.) *The John Hopkins Guide to Literary Theory*. 2nd ed. Baltimore, MD: The Johns Hopkins University Press. P. 528—534.

Shannon C. E. (1948) A Mathematical Theory of Communication. *The Bell System Technical Journal*. Vol. 27. No. 3. P. 379—423. <https://www.doi.org/10.1002/j.1538-7305.1948.tb01338.x>.

Lock A., Peters C. R. (eds.) (1999) *The Handbook of Human Symbolic Evolution*. Oxford; Malden, MA: Blackwell.

Underwood T. (2017) A Genealogy of Distant Reading. *Digital Humanities Quarterly*. Vol. 11. No. 2. URL: <http://www.digitalhumanities.org/dhq/vol/11/2/000317/000317.html> (accessed: 22.02.2022).